

«ГОЛУБАЯ ДИВИЗИЯ» НА СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОМ ФРОНТЕ (1941—1943 гг.)

С. П. Пожарская

После нападения фашистской Германии на Советский Союз и «ультра» во франкистском «национальном движении», ослепленные антикоммунизмом и ненавистью ко всему советскому, и многочисленные иностранные наблюдатели, и гитлеровцы полагали, что Мадрид с минуты на минуту станет активной воюющей стороной, вступив в войну против СССР. Эта уверенность покоилась как на многократно повторенных заверениях Франко о незаинтересованности Испании в вооруженном конфликте между странами именно Западной Европы, так и на ненависти франкистского режима к Советскому Союзу. Хотя к тому времени в Берлине уже смогли убедиться в крайней извортливости каудильо, так и не поднявшего пока оружия на стороне Германии, война против СССР, изображавшаяся геббельсовской пропагандой как «крестовый поход» против коммунизма, была именно тем событием, которого ждали фашисты всей Европы. Реакционная нечисть взалхлеб приветствовала Гитлера, принявшего наконец «правильное решение», а самые ретивые готовы были немедленно примкнуть к вермахту в разбойничьей войне против советского народа.

Обнадеживающие для руководства третьего рейха известия поступали и из Испании. Уже 22 июня 1941 г. испанский министр иностранных дел Серрано Суньер, сославшись на мнение Франко, сообщил германскому послу в Мадриде Штореру, что «испанское правительство выражает величайшее удовлетворение в связи с началом борьбы против большевистской России и в равной степени сочувствует Германии, вступающей в новую и трудную войну». Суньер утверждал, что нападение Германии на Советский Союз будто бы «вызвало величайший энтузиазм в Испании». Суньер обратился к германскому правительству с просьбой дать возможность добровольцам из числа членов фаланги принять участие в борьбе против общего врага. Министр пояснил, что «этот жест солидарности, разумеется, делается независимо от вопроса о полном и окончательном вступлении Испании в войну на стороне «оси», которое следует в соответствующее время». Франкистский министр в особо теплых словах выразил свою «твердую уверенность в том, что война с Россией закончится для Германии так же счастливо и победоносно, как и предшествующие войны»¹. 24 июня Риббентроп извещил Шторера: «Германское правительство с радостью и удовлетворением примет формирование добровольцев фаланги»².

В тот же день Суньер публично обратился к членам фаланги с призывом поднимать добровольцев на войну против СССР³. Фалангистская пресса с энтузиазмом подхватила призыв своего шефа (Суньер был одновременно главой фаланги), причем иные горячие головы считали необходимым собрать и отправить сразу 100 тысяч добровольцев⁴. Однако с первоначальным замыслом формирования добровольческого соединения исключительно из членов фаланги Суньеру пришлось расстаться. 25 июня Шторер сообщил в Берлин: «Испанский министр иностранных дел очень рад согласию Германии на участие испанских добровольцев в войне против России. Он обещал поднять этот вопрос на сегодняшнем заседании совета министров и вслед за тем обо всем договориться с начальником фалангистской милиции генералом Москардо, а прежде всего о немедленном опубликовании призыва к вербовке. Но из-за соперничества фаланги и армии добровольцы будут набираться не только из фалангистов, но и из легиона, связанного с армией».

¹ «Documents on German Foreign Policy» (DGFP). Series D. Vol. 12, pp. 1080—1081.

² Ibid., p. 1081.

³ S. H o a r e. *Gesandter in besonderer Mission*. Hamburg. 1950, S. 184.

⁴ «Aussenpolitisches Amt der WSDAP». № 11, 24.VI.1941.

В ответ на пожелание Шторера (было бы «своевременно и желательно» объявить, что Испания находится в состоянии войны с Советским Союзом) министр ответил, что обсудит этот вопрос с Франко. От себя Суньер добавил, что в этом случае «Англия и, возможно, Америка откликнутся на такое заявление если и не объявлением войны Испании, то во всяком случае установлением блокады, в результате чего Испанию грозит потеря ее судов, находящихся в настоящее время в пути...»⁵. В телеграмме от 26 июня 1941 г. Шторер с огорчением сообщил, что решение об объявлении Испанией войны Советскому Союзу до сих пор еще не получено и что это в большой степени зависит от реакции на посылку испанских добровольцев. Выяснилось, что Англия уже отозвалась: ввоз бензина в Испанию запрещен⁶.

Не следует, однако, слишком серьезно относиться к ссылке испанских официальных лиц на возможную отрицательную для Испании реакцию США и Англии как на основную причину воздержания от открытого объявления войны СССР: то была не главная причина и, во всяком случае, не единственная. Об этом достаточно красноречиво свидетельствует новая телеграмма Шторера уже от 28 июня 1941 г., из текста которой следует, что протест армии против отправки фалангистских формирований имел более серьезную основу, нежели некое соперничество: «Военные попытались выступить против всего плана в целом, так как, по их мнению, его выполнение могло поставить Испанию на грань войны...». Сам Суньер, по мнению Шторера, хочет войны, однако он ожидает более благоприятного для Испании момента, который наступит после получения сырья и материалов, находящихся в пути⁷, и после соответствующей подготовки общественного мнения. Главные противники вступления в войну — военные, которые, по словам Суньера, имели большое влияние на Франко. Но основная причина оттяжки вступления Испании в войну, по мнению Шторера, — «недостаточность экономической и военной подготовки»⁸.

Шторер высказал надежду, что политика Суньера неизбежно в конце концов приведет Испанию к вступлению в войну. Тем временем оттяжка решения об официальном вступлении в войну на стороне Германии не помешала форсировать формирование «добровольческого» соединения для войны на Востоке. 27 июня 1941 г. начальник итальянского генерального штаба У. Кавальеро записал в своем дневнике: «Глава нашей миссии в Мадриде сообщил, что немцы вербуют в Испании добровольцев для отправки в Россию. Распространяются слухи, что и мы пошлем своих добровольцев. Муссолини заявил, что не видит в этом смысла, так как в Россию отправляются регулярные части итальянской армии»⁹. В Риме не усмотрели никакой разницы между тем, что делалось в Италии и в Испании. Государственные же руководители Испании прибегли к уловке, обычной в условиях военных интервенций: без официального объявления войны принять в ней самое прямое участие.

Более того, отправкой дивизии в далекую Россию они хотели заменить вступление в уже начавшуюся войну. Игра Франко была очевидна, во всяком случае, для тех, кого он хотел ввести в заблуждение. Чиано записал в эти дни: «Вклад «Голубой дивизии» в дело держав «оси» нельзя было бы сравнить с успешным осуществлением операции «Изабелла — Феликс»¹⁰. В беседе с Муссолини вечером 25 августа 1941 г. в своей штаб-квартире Гитлер с горечью говорил об Испании, заявив, что эта страна «страшно его разочаровала»¹¹.

При ретроспективном взгляде на ход событий замысел Франко также совершенно очевиден: он, «низведя эту интервенцию до «крестового похода» против коммунизма, стремился обойти вступление в войну против Англии», — отмечает современный

⁵ DGFP. Vol. 13, pp. 16—17.

⁶ Ibid., p. 17.

⁷ Ibid., pp. 38—39.

⁸ Ibid., p. 39.

⁹ У. Кавальеро. Записки о войне. Дневник начальника итальянского генерального штаба. М. 1968, стр. 73.

¹⁰ План «Изабелла — Феликс» был разработан германским командованием летом 1940 г. в целях изгнания англичан из бассейна Средиземного моря. Согласно этому плану, одна из групп армий (20 дивизий) должна была пройти через Испанию, захватить Гибралтар и двинуться через Марокко к Тунису. Франко уклонился от участия в этой операции.

¹¹ M. Muggeridge (Ed.). *Ciano's Diplomatic Papers*. L. 1948, pp. 449—450

биограф каудильо К. Мартин¹². Еще в августе 1940 г., в дни подготовки операции «Изабелла — Феликс», в ответ на запрос Берлина о мотивах уклонения Испании от вмешательства в военный конфликт Шторер доносил, что «Франко стремится избежать преждевременного вступления в войну и, следовательно, такого длительного в ней участия, которое было бы не по силам Испании, а при некоторых условиях послужило бы источником опасности для режима»¹³. Франко не только и не столько не хотел воевать, сколько не мог воевать. Нельзя всерьез говорить о воздержании Франко «по доброй воле» от вступления в войну, как это делает бывший политический директор испанского министерства иностранных дел Хосе Дусинаге в книге «У Испании есть право»¹⁴. Крайне неустойчивое положение внутри страны, грозившее серьезными последствиями при малейшем нарушении весьма шаткого внутривнутриполитического баланса, — вот что было главной причиной отказа Испании от активного участия в войне.

Франкисты откладывали вступление в войну, надеясь со временем стабилизировать экономическое положение и обеспечить политическую устойчивость режима. Эти надежды не оправдались. Во время встречи с Муссолини в Бордигере 12 февраля 1941 г. Франко заявил, что «Испания, как и прежде, хочет сотрудничать со странами «оси» и внести свой вклад в дело окончательной победы. Однако Испания испытывает еамый настоящий голод и в военном отношении совершенно не подготовлена»¹⁵. Неустойчивым оставалось и внутривнутриполитическое положение. «Мысль о примирении настолько далека от сознания и сердца испанцев, что даже не предпринималось никаких попыток в этом направлении. Победившая половина хочет наступить на горло побежденной, а побежденная по-прежнему кипит возмущением»¹⁶, — отмечал корреспондент «The Times» еще в январе 1940 года. Для борьбы с непокорившимися была создана система государственного террора. В полной мере был использован опыт фашистской Германии в ее борьбе против демократических, в первую очередь рабочих организаций. Масштабы репрессий были таковы, что, казалось, франкисты намеревались вос- становить пресловутое единство нации при помощи физического уничтожения или по крайней мере строгой тюремной изоляции не только своих активных противников, но и всех не поддающихся «единению во франкизме» элементов населения.

Чиано писал о 200 тысячах «красных» в тюрьмах Испании в июле 1939 года¹⁷. По данным Ватикана, в испанских тюрьмах осенью 1939 г. находилось около полу- миллиона заключенных. Альварес дель Вайо, левый социалист и бывший министр иностранных дел республиканского правительства, в конце 1940 г. говорил о миллионе республиканцев в тюрьмах Франко¹⁸. Корреспондент «News Chronicle», возвратившийся из Испании в начале 1940 г., писал: «Можно с уверенностью утверждать, что в тюрьмах Испании находится от одного до двух миллионов человек»¹⁹. При всей своей разноречивости эти сведения свидетельствуют об одном — о невиданном в истории страны размахе террора. Однако усилия франкистов были тщетны. На протяжении всего периода второй мировой войны им так и не удалось стабилизировать внутривнутриполитическое положение. «Последствия революционных лет ни с точки зрения чувств народа, ни с точки зрения экономики страны все еще не ликвидированы»²⁰, — отмечал обозреватель швейцарской газеты «Basler Nachrichten» 6 сентября 1942 года.

А в результате фашистская Испания при всей своей симпатии к странам «оси» так и не вступила в войну: слишком велик был риск. «По темпераменту Франко был очень осторожный человек, типичный «гальего»²¹, или, как сказали бы в Соединенных Штатах, «человек из Миссури». К тому же у него не было иллюзий относительно слабости и истощения, которые принесли Испании предшествующие три года ужасной гражданской войны. Он не имел никаких иллюзий относительно продолжаю-

¹² C. Martin. Franco: soldat et chef d'état. P. 1959, p. 314.

¹³ DGFP. Vol. 10, pp. 444—445.

¹⁴ I. Doussinaque. España tenía razón. Madrid. 1950.

¹⁵ «Документы министерства иностранных дел Германии». Вып. III. М. 1946, стр. 69.

¹⁶ «The Times», 3.1.1940.

¹⁷ Ciano. L'Europa verso la catastrofe. Milano. 1948, p. 444.

¹⁸ «Chicago Daily News», 16.XII.1940.

¹⁹ «News Chronicle», 19.1.1940.

²⁰ «Basler Nachrichten», 6.IX.1942.

²¹ Гальего, жители испанской провинции Галисии, откуда Франко родом, имеют репутацию крайне осмотрительных и осторожных людей.

щегося глубокого разделения, которое охватило всех испанцев, и сознавал опасность, которой может подвергнуться недавно установленный и все еще неустойчивый режим, если он совершит в корне непопулярную акцию. Он знал, что подавляющее большинство испанского народа хочет мира, а не войны, все равно — гражданской или внешней»²², — отмечал посол США Хейс. А поэтому «испанское правительство, не желая вступить в конфликт официально, объявило о создании добровольческого соединения, которое должно было сражаться рука об руку с немецкой армией на Востоке»²³, — замечает английский историк С. Пейн, автор одного из последних исследований по истории испанского фашизма.

Испанское добровольческое соединение, известное как «Голубая дивизия» (поскольку идея создания дивизии принадлежала лидерам фаланги, ее и стали называть «голубой»: голубые рубашки и красные береты были обязательной формой фалангистов), было сформировано в самые сжатые сроки: была развернута гигантская пропагандистская кампания, и в телеграмме от 4 июля 1941 г. германский поверенный в делах Хеберлейн сообщил в Берлин: «На призыв к вербовке в «Голубую дивизию» откликнулось в 40 раз больше добровольцев, чем это было необходимо. Сегодня окончательный отбор проведут все штабы корпусов»²⁴. Местом сбора завербованных в «Голубую дивизию» стал Ирун, расположенный вблизи испано-французской границы. Хеберлейн отмечал, что отправка дивизии в Германию начнется, «возможно, на будущей неделе». В составе дивизии — 641 офицер, 2 272 унтер-офицера и сержанта, 15 780 солдат. Дивизия имеет три пехотных полка, четыре артиллерийских батальона, батальон разведки, саперный батальон, противотанковый батальон, батальон связи, медчасть и штабная дивизион²⁵. Статс-секретарь МИД Германии Вейцекер еще 3 июля сообщил Хеберлейну, что правительство рейха «с радостью» примет испанских добровольцев всех трех видов вооруженных сил (армии, флота и авиации), а также фалангистов и надеется, что они составят объединенное в одно целое испанское формирование под испанским командованием, но входящее в вермахт²⁶.

Единственно, что, пожалуй, вызвало уже тогда серьезную озабоченность у германских официальных лиц, причастных к созданию «Голубой дивизии», была степень ее политической «благонадежности». Вопрос об этом встал сразу же, когда части дивизии начали следовать по пути на Восток через Германию и гитлеровцы смогли познакомиться с ними. В телеграмме от 20 августа гитлеровский дипломатический чиновник с тревогой сообщил из Берлина в Мадрид, что, по имеющимся сведениям, коммунисты пытаются проникнуть как во французские (фашистские), так и в испанские добровольческие формирования с целью перехода к русским. По полученным им сведениям, «коммунистические элементы» находились преимущественно в войсках из испанского Марокко²⁷. В своем ответе от 21 августа Шторер сообщил в Берлин о мерах, принятых для предупреждения коммунистического «проникновения». «Голубую дивизию» составят преимущественно военнослужащие регулярных войск, «марокканцы» приниматься не будут. И главное: при соблюдении правила (основное условие для вступления в дивизию) наличия у военнослужащих не менее чем десятилетней военной выслуги коммунистическое проникновение окажется едва ли вероятным. А поскольку дивизия теперь в Германии, Шторер советовал поручить все дальнейшее расследование германской службе безопасности²⁸. Еще ранее, в приведенной выше телеграмме от 3 июля, Вейцекер обратился с просьбой не принимать в дивизию русских белоэмигрантов.

К середине июля испанские добровольцы были готовы к походу на Восток. 30 июля первые испанские летчики приземлились на аэродроме Темпельгоф в Берлине. Им была устроена помпезная встреча, которая, однако, не обошлась без конфуза, досадного для организаторов этого «тоталитарного торжества»: оркестр воздушных сил с большим подъемом исполнил некий гимн. Летчики удивленно крутили головами:

²² С. Hayes. *Wartime Mission in Spain*. N. Y. 1945, p. 65.

²³ S. Payne. *Franco's Spain*. N. Y. 1967, p. 30.

²⁴ DGFP. Vol. 13, p. 81.

²⁵ Современный американский историк Дж. Хиллс называет «Голубую дивизию» корпусом (см. J. Hills. *Franco: the Man and his Nation*. N. Y. 1967, p. 337).

²⁶ DGFP. Vol. 13, p. 81.

²⁷ Ibid.

²⁸ Ibid.

вместо привычного фалангистского гимна, официального гимна франкистской Испании, они вдруг услышали мелодию государственного гимна Испанской республики²⁹.

13 июля 1941 г. под оглушительный пропагандистский гром отправился первый эшелон испанских добровольцев в Германию. На торжественных проводах присутствовали и выступили с соответствующими напутствиями Серрано Суньер и военный министр Валера³⁰. Но когда эшелоны с испанским воинством проходили через Францию, французы оказывали им весьма холодный прием³¹, несмотря на все усилия местных коллаборационистов. Наконец прибыли. Место назначения — Германия, лагерь под Графенвёром. В дальнейшем маршевые батальоны, посылавшиеся на пополнение «Голубой дивизии», направлялись не только в Графенвор, но также в Ауэрбах и главным образом в Гоф, где дислоцировался 481-й запасный батальон 13-го округа рейхсвера, к которому была приписана дивизия³².

В Графенвёре испанцы прошли медицинский осмотр и почти утратили свой первоначальный вид. Им роздали обмундирование, которое отличалось от обычной немецкой пехотной формы только особым нарукавным знаком выше локтя. На знаке дивизии специалисты фашистской геральдики изобразили щит зловещего вида с черной каймой. Середину щита пересекала горизонтальная желтая полоса на красном фоне, а на ней красовался четырехконечный черный крест и пять перекрещивающихся стрел, брошенных веером кончиками вверх. Замысловатое сооружение венчала надпись «Испания». Огненные соединения стало называться 250-й пехотной дивизией вермахта. Однако даже в официальных документах она надолго сохранила свое первоначальное название «Голубая», хотя никто из ее участников уже не носил голубых рубашек и красных беретов. В 20-х числах августа дивизия отправилась к границам СССР. Колонны солдат потянулись по дорогам, разбитым войной. Сначала жара, потом дожди, слякоть. Менялись ландшафты (шли через сожженные деревни и города), но не менялось одно — команда «принять в сторону», когда испанцев обгоняли немецкие грузовики, с которых ухмыляющиеся германские солдаты приветствовали «союзников по оружию». «Голубая дивизия», как и части других сателлитов Германии, не была обеспечена транспортом. А чтобы не было жалоб, германское командование взяло на себя связь дивизии с родиной и тем самым полностью отрезало ее от внешнего мира.

4 октября 1941 г. посол Испании в Берлине Майалде передал министру иностранных дел Германии, что он получил от Франко и Суньера инструкцию немедленно установить личный контакт с командованием «Голубой дивизии». Дело в том, жаловался посол, что очень долго не было никаких известий о дивизии: ни о ее деятельности, ни о ее судьбе. Послу было разъяснено, что в настоящее время дивизия находится в пути³³.

14 октября 1941 года «Голубая дивизия» прибыла в район Новгорода и заняла фронт на участке Новгород — Теремец. 16 октября немецкие войска перешли в наступление на волховско-тихвинском направлении. В наступлении участвовали девять дивизий, в том числе две танковые и две моторизованные³⁴, а также «Голубая дивизия». «В первый день наступления противнику удалось прорвать нашу оборону в стыке ослабленных предыдущими боями 4-й и 52 армий»³⁵, — вспоминает генерал армии И. И. Федюнинский. Фронтная сводка в Москву от 25 октября сообщает, что «испанская дивизия овладев деревнями Шевелево, Сытино, Дубровка, Никитино, Отенский Посад, пока их удерживает». В первых же сводках, содержащих упоминание о «Голубой дивизии», говорилось, что дивизия укомплектована испанцами в возрасте 20—25 лет, а командует ею генерал Муньос Гранде³⁷. Но уже в середине ноября 1941 г. началось контрнаступление советских войск Северо-Западного фронта. «Сосад слева — 52-я армия уже вела успешные наступательные действия, создавая угрозу на

²⁹ Ibid.

³⁰ E. Esteban-Infantes. Blaue Division. Spaniens Freiwillige an der Ostfront. Hamburg. 1958. S. 10.

³¹ Ibid., S. 11.

³² Архив МО СССР, ф. 411, оп. 10183, д. 118, л. 42.

³³ DGFP. Vol. 13, № 380, pp. 612—613.

³⁴ И. И. Федюнинский. Поднятые по тревоге. М. 1961, стр. 62.

³⁵ Там же.

³⁷ Архив МО СССР, ф. 52-й армий, оп. 9993, д. 5, лл. 99—106.

южном фланге тихвинской группировки. К тому времени она овладела городом Вишера и продолжала теснить немцев»³⁸, — вспоминает Маршал Советского Союза К. А. Мерецков, в то время командовавший отдельными 7-й и 4-й армиями; 52-й армией в то время командовал генерал-лейтенант Н. К. Клыков, которого в декабре сменил генерал В. Ф. Яковлев. 19 ноября началось контрнаступление 4-й армии, действия которой серьезно ослабили немецкую группировку в районе Тихвина. 9 декабря Тихвин был освобожден.

Южнее войска 52-й армии, усиленные резервами, к 24 ноября задержали дальнейшее продвижение немецких войск, к 25 ноября наступление противника «вовсе прекратилось, фронт стабилизировался»³⁹. А в середине декабря советские войска перешли в контрнаступление вдоль реки Волхов. По свидетельству И. И. Федюнинского, «наступательный порыв наших войск был очень высок»⁴⁰. В сводках 52-й армии от 24, 25 и 27 декабря сообщалось, что «части 250-й испанской пехотной дивизии, оставив Шелвелево, в прежней группировке обороняются по западному берегу реки Волхов на участке Ямно — Еруново — Старая Быстрица и оказывают упорное сопротивление продвижению наших частей, неоднократно переходя в контратаки»⁴¹. Но уже 27 декабря войска 52-й армии вышли к р. Волхов и захватили плацдарм на ее левом берегу. «В итоге противник был отброшен на тот рубеж, с которого 16 октября начал наступление...»⁴². Немало испанских добровольцев осталось на заснеженных полях и в лесах, а иные, прозрев под артиллерийским огнем, подняли руки вверх.

Военнопленные 2-го батальона 269-го пехотного полка, взятые на участке Ловково 27 декабря, показали, что в ротах осталось по 30—60 человек вместо 150, есть обмороженные. Пленные того же 269-го пехотного полка, взятые на участке Красный Ударник, показали, что в ротах всего по 30—50 человек. В 3-м батальоне 263-го полка в ротах осталось 60—80 человек, во 2-м батальоне 262-го полка — до 80 человек. И лишь в немногих подразделениях 250-й дивизии, по показаниям военнопленных, осталось по 100 человек — в 9-й, 10-й и 14-й ротах 2-го батальона 269-го полка, в 1-м и 2-м батальонах 263-го полка⁴³. И почти всегда в показаниях пленных речь шла об обмороженных⁴⁴.

Откатившись на западный берег Волхова, части 250-й пехотной дивизии заняли оборону на рубеже Ямно — Крупново — Ловково (269-й пехотный полк), Ловково — Новая Быстрица — Делявино (3-й батальон 263-го пехотного полка) и далее на юг — до Новгорода (части 263-го и 262-го пехотных полков)⁴⁵. Спокойно отсидеться по блиндажам и залечить раны не удалось. 7 января 1942 г. началось новое наступление войск Волховского фронта. В разведсводке штаба 225-й дивизии 52-й армии от 18—28 января 1942 г. отмечалось, что «263-й и 262-й полки 250-й дивизии, опираясь на узлы сопротивления, упорно сопротивляются действию наших частей»⁴⁶. Это сопротивление, как и предыдущие декабрьские бои, дорого стоило фашистам. По сведениям военнопленных, численный состав «Голубой дивизии» на конец января 1942 г. составлял лишь 5—6 тысяч человек⁴⁷. В сводке штаба 52-й армии от 9—19 февраля 1942 г. отмечалось, что за рассматриваемый период, то есть за 10 дней, полки испанской дивизии потеряли по 150—180 человек убитыми⁴⁸. К началу февраля 1942 г. в 262-м и 263-м полках осталось по два батальона, ибо по одному батальону было взято для усиления 269-го полка.

Перебежчик 263-го полка, перешедший на сторону Красной Армии в середине апреля 1942 г., рассказал, что потери дивизии за время пребывания на фронте составили 8 тыс. человек⁴⁹. Эти сведения подтверждает генерал Эмилио Эстебан-Инфантес,

³⁸ К. А. Мерецков. На службе народу. М. 1968, стр. 243.

³⁹ И. И. Федюнинский. Указ. соч., стр. 80.

⁴⁰ Там же, стр. 88.

⁴¹ Архив МО СССР, ф. 52-й армии, оп. 9993, д. 5, лл. 237—243.

⁴² И. И. Федюнинский. Указ. соч., стр. 88.

⁴³ Архив МО СССР, ф. 52-й армии, оп. 9993, д. 5, лл. 244—255.

⁴⁴ Ср. И. И. Федюнинский. Указ. соч., стр. 88.

⁴⁵ Архив МО СССР, ф. 52-й армии, оп. 9993, д. 13, л. 532.

⁴⁶ Там же, д. 18, л. 15.

⁴⁷ Там же, д. 13, л. 35.

⁴⁸ Там же, л. 116.

⁴⁹ Там же, л. 470.

сменивший в дальнейшем Муньоса Грандеса на посту командира дивизии. Он сообщает, что потери на берегах озера Ильмень и реки Волхов составили 14 тыс. человек (дивизия находилась в этом районе до конца августа 1942 г.)⁵⁰. Военнопленные и перебежчики говорили, что количество обмороженных достигало 10—15% личного состава⁵¹. Тыловые госпитали дивизии в Риге и Вильнюсе были переполнены ранеными. К тому времени у немцев сложилось вполне определенное представление об испанских солдатах. 5 января 1942 г. во время очередной «застольной беседы» в кругу своих единомышленников Гитлер заметил: «Солдатам (немецким.— С. П.) испанцы представляются бандой бездельников. Они рассматривают винтовку как инструмент, не подлежащий чистке ни при каких обстоятельствах. Часовые у них существуют только в принципе. Они не выходят на посты, а если и появляются там, то только чтобы поспать. Когда русские начинают наступление, местным жителям приходится будить их. Но испанцы никогда не уступали ни дюйма занятой территории»⁵². Последнее суждение можно отнести за счет того, что уже тогда ближайшее окружение Гитлера начало скрывать от него положение дел на фронте.

Но, как бы там ни было, немецкое командование считало, что «Голубая дивизия» выдержала испытание, и в плане весеннего наступления немцев в 1942 г. ей отводилась определенная роль. Перебежчик 263-го пехотного полка 250-й дивизии в середине апреля 1942 г. рассказал о том, что слышал от офицеров: Муньос Грандес разработал «план весеннего наступления»⁵³. Этому плану не суждено было осуществиться: Красная Армия наступала, оборонительные бои испанцев продолжались, а сам Муньос Грандес в конце мая уехал в Испанию. Временно командовать дивизией прибыл бригадный генерал Эмилио Эстебан-Инфантес⁵⁴. Начиная с 1 мая 1942 г. в «Голубую дивизию» стало поступать новое пополнение, а сменившиеся подразделения отправлялись в Испанию. По сведениям, полученным от военнопленных и перебежчиков, смена подразделений должна была полностью закончиться к 15 июня 1942 г., когда в дивизии будет до 12 тысяч солдат и офицеров. Эти сведения в дальнейшем подтвердились: к концу июля было обновлено до 80% состава дивизии.

Готовясь к штурму Ленинграда, предполагавшемуся в сентябре, командование немецкой группы армий «Север» подтянуло к городу ряд новых соединений, в том числе и «Голубую дивизию».

С 20 августа 1942 г. подразделения «Голубой дивизии» небольшими группами стали уходить на запад, а 26 августа дивизия была полностью снята с фронта в районе Новгорода и по железной дороге перебросена под Ленинград — в Сиверскую, Сусанино, Вырица, Большое Лисино, где она оставалась 15—17 дней для укомплектования. 10—15 сентября дивизия заняла оборону на участке Ленинградского фронта, сменив 121-ю немецкую пехотную дивизию. Из общего оперативного приказа по 250-й дивизии следует, что границей сектора дивизии с востока была железнодорожная линия Колпино — Тосно, а с запада селение Баболово⁵⁵. Так «Голубая дивизия» заняла свое место в кольце блокады, созданной немцами вокруг города Ленина. Испанские наемники Гитлера тоже несут прямую ответственность за смерть, муки и страдания мирного населения Ленинграда — факт, который, к сожалению, не нашел пока отражения в нашей историографии.

5 сентября 1942 г. в очередной «застольной беседе» Гитлер сообщил своим соплеменникам: «Я думаю, что одним из наших лучших решений было разрешение испанскому легиону сражаться на нашей стороне. При первой же возможности я награжу Муньоса Грандеса железным крестом с дубовыми листьями и бриллиантами. Это окучит себя. Любые солдаты всегда любят мужественного командира. Когда придет время для возвращения легиона в Испанию, мы по-королевски вооружим и снарядим его. Дадим легиону гору трофеев и кучу пленных русских генералов. Легион триум-

⁵⁰ E. Esteban-Infantes. Op. cit., p. 61.

⁵¹ Архив МО СССР, ф. 52-й армии, оп. 9993, д. 18, л. 15.

⁵² «Hitler's Secret Conversations. 1941—1945». N. Y. 1961, pp. 188—189.

⁵³ Архив МО СССР, ф. 52-й армии, оп. 9993, д. 18, кадр 304.

⁵⁴ Гитлер был счтен недоумен попыткой устранить Муньоса Грандеса от командования дивизией, считая это интригами ненавистной ему клики Сепрано Суньера (см. «Hitler's Secret Conversations. 1941—1945», p. 553).

⁵⁵ Архив МО СССР, ф. 411, оп. 10183, д. 125, л. 62. См. также H. Salisbury. 900 Day's Siege of Leningrad. N. Y. 1969, p. 538.

фальным маршем вступит в Мадрид, и его престиж будет недостижим»⁵⁶. Какую же цель преследовал Гитлер, когда он собирался придать дивизии негодяев «недостижимый престиж» именно в момент ее возвращения в Испанию? Гитлера не устраивали некоторые особенности режима Франко: влияние католической церкви и тяготение лидеров «новой» фаланги⁵⁷ к реставрации монархии. Кликке Суньера⁵⁸, клерикалам и монархистам он собирался противопоставить «старую» фалангу — сторонников «чистого» фашизма. А Муньос Грандес с его «Голубой дивизией» был, по мнению Гитлера, как раз тем энергичным человеком, который мог бы «улучшить ситуацию» в Испании. Неоднократно предпринимавшиеся в Испании попытки отстранить Муньоса Грандеса от командования дивизией относили в Германии за счет «интриг Суньера»⁵⁹.

Между тем к сентябрю 1942 г. от старого состава дивизии осталась только номер да нарукавный знак. Советские войны били испанских фашистов не хуже, чем немецких. Дивизия неоднократно обновлялась. До октября 1942 г. для ее пополнения из Испании прибыло 15 маршевых батальонов, по 1 200—1 300 солдат в каждом, из них 9 маршевых батальонов до мая 1942 г. (10-й маршевый батальон прибыл в район Новгорода 24—25 июня)⁶⁰. Это значит, что к маю 1942 г. в дивизии оставалось не более 15—20% тех, кто перешел советскую границу в сентябре 1941 года. Среди солдат первого формирования «Голубой дивизии» имелись фанатики — фалангисты и кадровые военнослужащие франкистской армии «националистов», прошедшие через гражданскую войну в Испании, сжигаемые ненавистью к республиканцам и к СССР. Из них немногие остались в живых, а те, кто уцелел, начали понемногу утрачивать веру в победу германского оружия. Уже первые тяжелые бои в октябре — ноябре 1941 г. подействовали отрезвляюще. Легкого похода, как нагло обещал Берлин и вторившие ему франкистские пропагандисты, не получалось.

Советский автор Б. Монастырский в очерке «Смелые рейды», повествуя о действиях нашего истребительного отряда 225-й стрелковой дивизии, рассказал о таком примечательном эпизоде. Это было 14 ноября 1941 г. в деревне Большой Донец близ озера Ильмень: «Бойцы Фролов и Пчелин узнали, что в крайней избе живут испанцы. Они без шума захватили вышедшего во двор испанского солдата и привели его к командиру группы Новожилову... Взятый в плен испанец оказался очень разбитым и общительным малым. Он знал много русских слов, легко запоминал новые и выразительно иллюстрировал свою речь жестами и мимикой. Из рассказов испанца выяснилось, что он кавалерист. В их эскадроне было первоначально 320 сабель. Теперь оставалось только 120 человек и 100 лошадей. Остальные были перебиты во время налета советской авиации, когда эскадрон шел походной колонной из Новгорода к Ильменю. Кое в чем пленный «темнил». То он уверял, что генерал Франко посадил его в тюрьму за принадлежность к компартии, то признавался, что поступил в «Голубую дивизию» добровольно. Но ясно было одно: война в России его явно не устраивала, и он был искренне рад, что попал в плен. Пленный гневно говорил о своем эскадронном командире: «Капитано — сволочь! Жрет курятину, масло, пьет дорогое вино да еще обкрадывает солдат, которым выдают всего 200 граммов сухарей в день»⁶¹. В дальнейшем число солдат «Голубой дивизии», способных трезво оценить действительность,

⁵⁶ «Hitler's Secret Conversations. 1941—1945», p. 644.

⁵⁷ Когда речь идет о «старой» фаланге, то имеется в виду партия фашистского типа, созданная Антонио Примо де Ривера в 1933 г., в программные положения которой вошли многие элементы, заимствованные у германского национал-социализма и итальянского фашизма. Некоторые деятели «старой» фаланги отрицали возврат к монархии и были антиклерикалами. Под «новой» фалангой подразумевается единственная дозволенная в Испании партия, созданная декретом Франко 19 апреля 1937 г. и получившая официальное название «Испанская традиционалистская фаланга», куда вошли не только фалангисты и родственные им группы, но и многие другие ультраправые партии и течения, поддерживавшие Франко, в том числе и традиционалисты с их монархическими и воинствующими клерикальными воззрениями. Шеф фаланги назначался главой государства.

⁵⁸ Серрано Суньера Гитлер не любил и отзывался о нем с явным неудовольствием («Hitler's Secret Conversations. 1941—1945», p. 149).

⁵⁹ Ibid., pp. 530—533.

⁶⁰ Архив МО СССР, ф. 411, оп. 10183, д. 118, л. 60.

⁶¹ Б. Монастырский. Смелые рейды. «На берегах Волхова». Сборник воспоминаний. Л. 1967, стр. 101—102.

возросло: продолжительный опыт войны делал свое дело. Иные пытались даже поделиться этим опытом: так, уезжавшие в Испанию раненые и больные солдаты встретили в пути 20-й маршевый батальон пополнения возгласами: «Эй, вы, бараны! Куда? На скотобойню?»⁶².

Изменился и состав дивизии: на смену фанатикам антикоммунизма и кадровым военным служащим пришли соблазненные надеждой приобрести некоторые материальные преимущества: каждый солдат «Голубой дивизии» получал в месяц 60 марок, выплачиваемых ему рублями, из расчета 20 рублей за одну марку. Кроме того, завербованные получали подъемные по 100 песет одновременно, а их семьи в Испании — ежемесячное пособие из расчета приблизительно 8 песет ежедневно. Среди новых солдат дивизии было также немало нищих и безработных, которые ценой жизни пытались обеспечить своим родным сносное существование. В письмах, полученных солдатами «Голубой дивизии» из Испании и ставших советскими трофеями, попадались и такие, как адресованное одному уроженцу Бильбао: «Дорогой сын... Сообщаю тебе, Пако, что германское правительство платит мне ежемесячно 254 песеты, благодаря твоей помощи. А иначе не знали бы, что и делать, потому что, не имея материала, уже много месяцев мы почти без работы. И ты можешь представить себе наше положение...»⁶³. Один пленный из 269-го полка признался, что вступил в дивизию потому, что сильно голодал и, кроме того, хотел помочь своей семье, которая стала получать за него пособие⁶⁴.

Гитлеровская пропаганда в то время на все лады расписывала «победы германского оружия». Хотя успехи немецких армий и их сателлитов были временными и покупались ценой громадных потерь, отдельные испанские обыватели могли оценивать их только по карте. В середине 1942 г. в заброшенных провинциальных гарнизонах Испанской войны на Востоке могла представляться кое-кому в розовом свете. Солдатам казалось, что «экскурсия» с оружием в руках на советско-германский фронт позволит им вырваться из заколдованного круга тогдашней мрачной действительности франкистского государства. Перебежчик, солдат 269-го полка, рассказал: вербовка солдат в «Голубую дивизию» с начала советско-германской войны до июля 1942 г. производилась четыре раза. По его словам, «основным стимулом для солдат являлось сокращение военной службы с 2 лет до 6 месяцев, высокое жалование и для некоторых — возможность получить галуны, то есть выслужиться в сержанты. Когда в первый раз перед строем командир роты ознакомил с условиями службы в «Голубой дивизии» и предложил желающим вступить в нее сделать шаг вперед, то шагнула вся рота. При виде этого капитан — командир роты разразился бранью, прибавив, что все хотят уехать, а кто же будет служить Испании?»⁶⁵. Если предложения вступить в «Голубую дивизию» не встречали энтузиазма, то, как правило, вербовщики соблазняли вербуемых прежде всего материальными выгодами. Перебежчик, солдат 262-го пехотного полка, рассказал: «Когда мы, новобранцы, прибыли в полк, к нам стали приходить офицеры и уговаривать записаться в дивизию. При этом они говорили: «Зачем вам служить два года, когда от службы можно отделаться в 6 месяцев? Записывайтесь в 250-ю дивизию». Записалось 15 человек из всего полка»⁶⁶.

Еще более откровенно определил мотивы вступления в «Голубую дивизию» другой перебежчик, солдат 269-го полка. На допросе он настаивал, что большинство испанских добровольцев «соблазнились легкой наживой и возможностью сытно пожрать»⁶⁷. В том, что в «Голубую дивизию» шли не только по идейным убеждениям, а в большинстве случаев из-за голодных условий существования, нужды семьи и желания ей помочь, были твердо убеждены также перебежчик, солдат 269-го полка; военнопленный, солдат 262-го полка, вступивший в дивизию в августе 1942 г.⁶⁸; военнопленный, солдат 263-го полка, и многие другие⁶⁹. Назывались и курьезные мотивы

⁶² Архив МО СССР, ф. 411, оп. 10183, д. 118, л. 184.

⁶³ Там же, д. 125, л. 72.

⁶⁴ Там же, д. 118, л. 75.

⁶⁵ Там же, д. 125, л. 36.

⁶⁶ Там же, д. 118, л. 13.

⁶⁷ Там же, д. 125, л. 26.

⁶⁸ Там же, д. 118, лл. 40, 96.

⁶⁹ Там же, л. 121.

вступления в «Голубую дивизию»: военнопленный, солдат 269-го полка, сообщил, что вступил в дивизию, «чтобы досадить своей матери, которая к нему плохо относилась»⁷⁰. Перебежчик из того же полка до вступления в дивизию, по его словам, жил без нужды: он занимался мелочной торговлей и одновременно служил приказчиком в мебельном магазине, получал жалованье 10 песет в день, а 20 песет давала ему торговля. По его словам, у него были нелады с женой, что явилось причиной вступления в дивизию⁷¹.

Уже в первых разведсводках штаба 52-й армии в октябре — ноябре 1941 г. на основании опроса перебежчиков и военнопленных, захваченных документов и т. д. делался вывод, что среди солдат «Голубой дивизии» имелось немало бывших уголовников и иных деклассированных элементов⁷². В дальнейшем эти сведения неоднократно подтверждались. Военнопленный, солдат 262-го полка, был твердо убежден, что большинство солдат дивизии — воры и аферисты, которые занимались грабежом у себя на родине⁷³. В своих показаниях многие военнопленные сообщали, что кража в дивизии — обычное явление. Чаще всего солдаты крали продукты друг у друга⁷⁴. Из докладной записки-справки начальника разведотдела штаба Ленинградского фронта генерал-майора Евстигнеева от 14 октября 1943 г. видно, что испанские солдаты 19-го маршевого батальона сняли на одной французской станции близ г. Андай все фонари, которые им понадобились для освещения вагонов. На другой французской станции, вблизи германской границы, солдаты того же батальона взяли «штурмом» вагон с сыром и маслом и почти полностью разграбили его. На станции близ Риги испанские солдаты украли чемоданы, принадлежавшие немецким офицерам.

Отсюда — довольно суровые дисциплинарные меры. Солдаты 25-го маршевого батальона в пути находились в закрытых вагонах, откуда солдат не выпускали; воду и пищу им носили сержанты. Имелись, однако, данные, что такая мера была связана и с желанием уберечь испанских солдат от контактов с населением: из показаний военнопленных известно, что французы неоднократно выражали им презрение; были даже случаи, когда в вагоны с испанскими солдатами летели камни. Следует весьма осторожно относиться к утверждениям, что у большинства солдат дивизии — темное уголовное прошлое, хотя бесспорно, что самая атмосфера наемничества действовала разлагающе и вырабатывала своеобразную «мораль» ландскнехтов.

Показания военнопленных и перебежчиков не всегда дают возможность составить более или менее точное представление о политических симпатиях солдат «Голубой дивизии». По словам перебежчика, солдата 269-го полка, перешедшего на советскую сторону 27 января 1943 г., в дивизии служило большинство фалангистов⁷⁵. В этом был убежден и перебежчик, солдат 250-й дивизии, перешедший на сторону Красной Армии 12 сентября 1943 года⁷⁶. Военнопленный, солдат 262-го полка, захваченный 8 марта 1943 г. в районе Путролово, член фалангистской молодежной организации с 1939 г., сообщил, что «среди солдат царит большое недоверие друг к другу и каждого солдата подозревают в том, что он коммунист (красный)». Сам он считал, что в дивизии много фалангистов, которые слепо выполняют все требования начальства⁷⁷. Перебежчик, солдат 262-го полка, перешедший линию фронта 27 февраля 1943 г., также говорил, что 80% личного состава дивизии — фалангисты⁷⁸. Однако сами перебежчики упорно противопоставляли себя основной «фалангистской массе» и настаивали на том, что вот они — идейные противники фаланги и существовавшего в Испании строя либо в настоящем, либо по крайней мере в прошлом. Если кое-кто из военнопленных и объяснял вступление в дивизию стремлением «перечеркнуть» в глазах властей свое левое прошлое и тем самым помочь семье, то большинство вообще уверяло, что вступило в дивизию ради перехода на сторону Красной Армии и борьбы с фашизмом.

⁷⁰ Там же, л. 88.

⁷¹ Там же, л. 76.

⁷² Там же, ф. 52-й армии, оп. 9993, д. 5, л. 135.

⁷³ Там же, ф. 411, оп. 10183, д. 118, л. 189.

⁷⁴ Там же, л. 63.

⁷⁵ Там же, л. 74.

⁷⁶ Там же, л. 219.

⁷⁷ Там же, л. 183.

⁷⁸ Там же, л. 178.

По мнению перебежчика, солдата 262-го полка (в прошлом, по его словам, члена организации Объединенной социалистической молодежи — Соцмола), 20—25% солдат прибыли в дивизию для того, чтобы перейти к русским, но боясь, что их заставят потом работать на переднем крае и они подвергнутся опасности еще раз попасть к немцам⁷⁹. Перебежчик, солдат 262-го полка, перешедший линию фронта 2 января 1943 г., тоже утверждал, что в прошлом он был членом Соцмола, во время гражданской войны в Испании добровольно вступил в республиканскую армию, попал к франкистам в плен и был помещен в концлагерь. По выходе из лагеря он достал себе поддельное удостоверение личности, благодаря которому ему удалось поступить на работу. До весны 1942 г. работал в Мадриде пекарем и чернорабочим на строительстве, получая 9—9,5 песеты в день. Летом 1942 г. был призван во франкистскую армию. Он утверждал, что записался в «Голубую дивизию» без ведома родных и еще в Испании решил перейти на сторону Красной Армии, чтобы помочь ей в борьбе против фашизма. Он настаивал, что для него лучше умереть за свободу, чем служить генералу Франко, который держит его брата в тюрьме и заставляет народ голодать и бедствовать⁸⁰. На переднем крае он пробыл всего три дня и после нескольких попыток перешел на сторону Красной Армии. По его словам, такие настроения разделяли и многие другие солдаты, с которыми он прибыл на советско-германский фронт, в частности его друг, в прошлом боец республиканской армии, который очень высоко отзывался о России и говорил, что немцам ее не одолеть⁸¹.

Перебежчик, солдат 269-го полка, перешедший линию фронта 5 января 1943 г., рассказывал, что в самом начале мятежа фалангисты расстреляли двух его братьев. Остальные три брата и он сам, хотя ему и исполнилось тогда всего 14 лет, при первой возможности вступили в республиканскую армию, чтобы отомстить за братьев. Воевал на фронтах под Теруэлем и Кастильон-де-ла-Плана. Попал в плен к франкистам и до сентября 1938 г. находился в концлагере. Затем был амнистирован и в составе рабочего батальона отправлен в Африку, на строительство дорог и укреплений на границе с Французским Марокко. После 8 месяцев тяжелой службы в рабочем батальоне был отпущен в мае 1940 г. домой. Его старший брат за службу в республиканской армии был приговорен франкистами к 30 годам тюрьмы, но спустя два года освобожден. Второй брат также просидел в концлагере два года. Сам он в мае 1942 г. был призван во франкистскую армию. По его словам, солдаты полка, где он служил, сочувствовали англичанам и жителям, чтобы война поскорее окончилась; немцев в Испании ненавидят⁸².

Перебежчик, солдат 269-го полка, утверждал, что он был членом испанской Социалистической рабочей партии с 1934 г. по 1939 год. Работал на телеграфе в Мадриде, в начале гражданской войны был руководителем отряда рабочей милиции. В октябре 1936 г. вступил в отряд карабинеров, а затем воевал на участке Алькасар-де-Сан-Хуан-Андухар в Андалузии. Был ранен на Мадридском фронте, а в 1938—1939 гг. сражался на фронтах Каталонии в чине сержанта. В феврале 1939 г. вместе с другими бойцами перешел границу и был интернирован во Францию. В апреле того же года вместе с другими бывшими бойцами республиканской армии возвратился в Испанию к своей семье. Там он немедленно был заключен в концлагерь, где находился три месяца. По выходе из концлагеря ему разрешили вернуться в Мадрид и жить под надзором фашистской полиции. По его словам, в дивизию он вступил из-за своих антифашистских убеждений и твердого желания перейти на сторону Красной Армии, чтобы бороться против фашизма⁸³.

Перебежчик, солдат 269-го полка, говорил, что он был членом Соцмола и сидел 9 месяцев в тюрьме за активное участие в астурийских событиях в октябре 1934 года. Как только начался фашистский мятеж, записался добровольцем в республиканскую армию. В августе фашисты заняли Сантандер; в сентябре 1937 г. его посадили в тюрьму, в октябре судили и приговорили к смертной казни. Обвинительное заключение было коллективное: вместе с ним судили еще 38 человек. Каждому из

⁷⁹ Там же, л. 131.

⁸⁰ Там же, лл. 2—13.

⁸¹ Там же, л. 14.

⁸² Там же, л. 13.

⁸³ Там же, л. 76.

них было отведено только несколько строчек, содержащих в себе обвинение и приговор. В течение 18 месяцев в тюрьме Сантандера он каждую ночь ждал, что его, как и других, вызовут из камеры и поведут расстреливать. Он подсчитал, что за эти 18 месяцев в тюрьме Сантандера «законно» (во исполнение приговора) расстреляли 1 тыс. человек. Только в ночь на 27 декабря 1937 г. фашисты расстреляли более 200 республиканцев. В августе 1940 г. его временно выпустили из тюрьмы. Несколько раз он безуспешно пытался уехать на американских пароходах. В августе 1941 г., страшась отправки в концлагерь, он вступил в иностранный легион, а в январе 1942 г. добровольно записался в «Голубую дивизию»⁸⁴.

Этот перечень можно было бы продолжить. Казалось, не было ни одной партии или организации, существовавших в бывшей республиканской зоне Испании, членами которых не объявляли бы себя перебежчики. Один из них даже уверял, что он с 1935 г. был членом ПОУМ. Отсутствие смущения при допросе можно объяснить лишь его дремучим политическим невежеством: он твердо был уверен, что ПОУМ была близка к Коммунистической партии, так как она называлась «Марксистской партией пролетарского единства». Когда же ему пытались объяснить, что ПОУМ являлась псевдомарксистской партией последователей Троцкого, он ответил, что об этом ему ничего не известно. А когда ему напомнили о борьбе ПОУМ против Народного фронта, он ответил, что «эти события проходили за пределами моей провинции». Но «антифранкистские» убеждения, на которых он настаивал, не помешали ему в период гражданской войны служить в армии Франко, куда он был мобилизован в сентябре 1938 года. Попыток уклониться от службы он не предпринимал. Впрочем, этот случай был чуть ли не единственным. Остальные перебежчики довольно четко и со знанием деталей рассказывали о «своем республиканском прошлом».

Эти столь часто повторяемые в показаниях перебежчиков уверения в их левых настроениях, ссылки на прошлую службу в рядах республиканской армии и т. д. можно было бы считать за «легенды», сочиненные исключительно с целью облегчения своей участи, если бы не некоторые официальные документы. Так, 12 сентября 1941 г. штаб 262-го пехотного полка 250-й дивизии получил следующее распоряжение: «Наша секретная служба информации утверждает, что в дивизии есть люди, имевшие в прошлом самые крайние политические взгляды и бывшие под судом. Одни записались в дивизию с целью саботажа, другие пошли в дивизию во избежание суда и наказания за свои преступления, совершенные еще в прошлой нашей кампании»⁸⁵. Секретной службе известно также, что существует организация, в которой принимают участие все или почти все «экстремисты». Она состоит из открытых ячеек, куда приняты люди, не знающие друг друга; постепенно из них организуются закрытые ячейки. Наша секретная служба не теряет контакта с вышеуказанной организацией с целью разрушить ее намерения. Это будет невозможным без содействия и помощи службы внутренней информации в частях и подразделениях, которая до сих пор была недостаточно активной. Сложившееся положение может привести ко всяким неприятным неожиданностям, за что буду привлекать к ответственности»⁸⁶.

Как видно из опроса перебежчиков и пленных, фалангисты следили за солдатами и их настроениями⁸⁷. Солдат 269-го полка рассказал, что однажды, стоя на посту в Вырице, он подслушал речь на собрании фалангистов. Фалангистам разъясняли, что их главная задача на фронте — разоблачать бывших республиканцев и вскрывать «вредные настроения» среди солдат. Ему известно, что при штабе 269-го полка имеется представитель Национальной хунты фаланги солдат, некто Ревилья⁸⁸. Созданная в первые дни после формирования дивизии система слежки за солдатами сохранялась до тех пор, пока существовала сама дивизия. Капрал 269-го полка, перешедший линию фронта 26 марта 1943 г., рассказал: «В роге за солдатами следят... С декабря (1942 г. — С. П.) производится анкетирование солдат; сведения по ряду вопросов анкеты проверяют путем затребования сведений с родины»⁸⁹. О систематиче-

⁸⁴ Там же, л. 205.

⁸⁵ Речь идет о гражданской войне в Испании в 1936—1939 годах.

⁸⁶ Архив МО СССР, ф. 411, оп. 10183, д. 125, л. 55.

⁸⁷ Там же, д. 118, л. 37.

⁸⁸ Там же, л. 77.

⁸⁹ Там же, л. 210.

ской слежке и периодическом анкетировании сообщали многие перебежчики и военнопленные.

В «Голубой дивизии» дезертирство тоже было нередким явлением. Перебежчик, солдат 262-го полка, сообщил, что 17-й маршевый батальон прославился тем, что половина солдат, прибывших в его составе, разбежалась. Многие бежали в тыл, некоторые — к русским⁹⁰. Эти сведения нашли подтверждение и в показаниях перебежчика, солдата 269-го полка, который рассказал, что офицеры заявляют солдатам: 17-й маршевый батальон «опозорил» всю 250-ю дивизию, так как многие солдаты этого батальона перебежали на сторону советских войск⁹¹. Этот же перебежчик сообщил, что в 19-м маршевом батальоне некоторые солдаты еще в Логроньо высказывали намерение «перейти к русским». По пути из Германии на Восточный фронт из батальона дезертировали 160 человек. Один из офицеров 269-го полка, принимавший пополнение из 19-го маршевого батальона, прямо заявил солдатам: «Прибывшие — все красные»⁹². Борьбу с дезертирством вели отряды испанской полевой жандармерии, которые охраняли дороги в тыл. Один из таких отрядов стоял в январе 1943 г. под Мосталено (Ленинградский фронт). В иных случаях к борьбе с дезертирством привлекали и фашистов-добровольцев. Военнопленный, солдат 262-го пехотного полка, захваченный в плен в районе Путролово 3 марта 1943 г. (в прошлом член фашистской молодежной организации), рассказал, что был направлен в караул для задержания перебежчиков, за что ему было обещано 5 тыс. марок (25 тыс. песет)⁹³. Перебежчик, солдат 269-го полка, рассказал, что во время февральской операции 1943 г. в районе селения Красный Бор 80 человек дезертировали в тыл; многие были пойманы и расстреляны на месте. В дивизии имелось немало и «моральных» дезертиров. Командир одного из подразделений 262-го полка, захваченный в плен в бою 10 февраля 1943 г. после неудачной попытки вывести остатки роты из окружения, утверждал, что политическое и моральное состояние дивизии неустойчивое⁹⁴. По мнению перебежчика, солдата 262-го полка, солдаты воюют только под напором фашистской пропаганды⁹⁵.

Война против Советского Союза и служба в «Голубой дивизии» оказались совсем не такими, как представляли в завлекающих рассказах щедрые на посулы вербовщики. Солдаты в большинстве своем воевать не хотят, устали от войны и ее ужасов, утверждал солдат 262-го полка, перешедший линию фронта 2 января 1943 года⁹⁶. Капрал-фуражир 262-го пехотного полка 23 января 1943 г. записал в своем дневнике: «В дивизии имеются и такие, для которых русская авантюра (участие в войне против СССР.— С. П.) привела к разочарованию в жизни, и они часто жалуются на ошибку, ими совершенную. Не преувеличивая, могу сказать, что у меня, вероятно, больше, чем у кого бы то ни было, оснований для того, чтобы проклясть тот день, когда мне пришла в голову мысль поехать на родину Достоевского. Россия всегда будет для меня во многих отношениях великим укором в жизни»⁹⁷. «Несправедливость Германии в войне против России очевидна. Солдаты не хотят воевать и стремятся скорее домой. Из создавшегося положения есть два выхода. Во-первых, переход к русским... Солдаты боятся переходить, так как может пострадать семья, или попросту не могут решиться. Второй выход — это совершить тяжелый проступок для того, чтобы отправили в Испанию. Но в Испании будут судить, отправят в тюрьму или концлагерь», — рассуждал солдат 269-го полка, взятый в плен 27 января 1943 г. в районе совхоза «Пушкинский»⁹⁸.

При вербовке от них скрывали истину о русских, утверждая, что «Россия — пустое пространство, технически отсталая страна и какого-либо сопротивления войскам другой страны оказать не может», — с запоздалым прозрением сетовал бывший солдат

⁹⁰ Там же, л. 16.

⁹¹ Там же, л. 71.

⁹² Там же, л. 73.

⁹³ Там же, л. 188.

⁹⁴ Там же, л. 145.

⁹⁵ Там же, л. 178.

⁹⁶ Там же, л. 4.

⁹⁷ Там же, д. 125, л. 68.

⁹⁸ Там же, д. 118, л. 88.

269-го пехотного полка, взятый в плен разведгруппой 26 января 1943 года. По его словам, испанские солдаты теперь очень высокого мнения о русской военной технике и стойкости красноармейцев⁹⁹. Перебежчик, солдат 262-го полка, говорил, что его товарищи, которых он знает еще по 18-му маршевому батальону, убеждены, что «немцам Россию не победить»¹⁰⁰.

Многие перебежчики и военнопленные утверждали, что в дивизии очень сильные антигерманские настроения. Солдат 269-го полка рассказал, что «он и несколько его товарищей в конце декабря (1942 г.— С. П.) были свидетелями того, как немецкий капитан, начхоз, жестоко избивал солдата-испанца Бермудоса за то, что он, придя в баню, вошел в раздевалку, а не захотел подождать на улице: в бане в это время мылись немцы. Бермудос был фалангистом...»¹⁰¹. Солдат отдельной роты лыжников, перешедший линию фронта 16 января 1943 г., сообщил, что солдаты его роты, в большинстве своем фалангисты, «очень злы на немцев за то, что те испанцев и других солдат вассальных стран ставят под удар, посылая их на передний край, в то время как свои войска оставляют на второй линии»¹⁰². По словам военнопленного, солдата 269-го полка, захваченного разведгруппой 26 января 1943 г. в районе совхоза «Пушкинский», «солдаты... считают себя обманутыми в отношении того, что им обещали при вербовке на военную службу. Вместо обещанного союза с Германией существует дикий антагонизм между испанцами и немцами»¹⁰³. По словам перебежчика, солдата 269-го полка, при встрече немецких солдат с испанскими затевается драка, подчас даже без всякого повода¹⁰⁴.

Американский историк Дж. Хиллс много лет спустя после окончания второй мировой войны произвел опрос бывших участников «Голубой дивизии», живших в Испании. «Я во время своего опроса не встретил ни одного человека, который не признался бы, что вначале был добровольцем,— пишет Дж. Хиллс.— Как и у всех добровольцев, мотивы, побудившие их к этому шагу, были различными: одни надеялись получить большие деньги; другие надеялись, что на русском фронте они будут лучше питаться, чем в Испании; были и такие, что искали смерти или славы; некоторые были германофилами и в еще большей степени антикоммунистами. Среди бывших членов «Голубой дивизии» я встречал и таких, кто был настроен пробритански в такой же степени, как и антисоветски... Некоторые добровольцы раскаялись в своем решении; иные утратили иллюзии, другие выражали удивление, как им вообще пришла в голову мысль стать добровольцами»¹⁰⁵. Многие в настроениях бывших участников «Голубой дивизии», опрошенных Хиллсом, совпадают с материалами опросов перебежчиков и военнопленных. Не совпадают только сведения о политической позиции экс-добровольцев. Но это вполне объяснимо.

О постепенной эволюции взглядов даже у тех, кто считался «опорой» франкистского режима, свидетельствует книга бывшего члена Национальной хунты фаланги Дионисио Ридруехо «Письма в Испанию»: «Для меня 1940—1941 годы были самыми противоречивыми, душераздирающими и критическими в моей жизни... К моему счастью, у меня открылись глаза — я пошел добровольцем воевать в Россию. Я выехал из Испании твердокаменным интервенционистом, обремененным всеми возможными националистическими предрассудками. Я был убежден, что фашизму суждено стать самым целесообразным образцом для Европы, что советская революция была «архиврагом», которого нужно уничтожить или, по крайней мере, заставить капитулировать...». Стоило ему попасть на фронт и провести несколько месяцев, как настроение у автора резко изменилось. Он продолжает: «В моей жизни Русская кампания сыграла положительную роль. У меня не только не осталось ненависти, но я испытывал все нарастающее чувство привязанности к народу и земле Русской. Многие мои товарищи испытывали те же чувства, что и я... Короче говоря, я вернулся из России очищенным от скверны, свободным поступать по велению своей совести»¹⁰⁶.

⁹⁹ Там же, л. 68.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Там же, л. 77.

¹⁰² Там же, л. 44.

¹⁰³ Там же, л. 67.

¹⁰⁴ Там же, л. 74.

¹⁰⁵ J. Hillis. Op. cit., p. 353.

¹⁰⁶ D. Ridruejo. Escrito en España. Buenos Aires. 1964, pp. 20, 109.

Прозрение Ридруехо было вознаграждено испанскими властями. Он и поныне живет в Испании под строгим политическим надзором, изгнанником в родной стране. А радио Испании все еще каждое утро передает официальный гимн, слова которого в годы юности написал поэт Ридруехо... Те же немногие, кто по сей день сохраняет верность идеалам «Голубой дивизии», осыпаны милостями режима. Летом 1968 г. генерал Франко самолично вручил большой крест св. Фердинанда бывшему капитану «Голубой дивизии» Теодоро Паламосу¹⁰⁷. В 1943 г. он был взят в плен Красной Армией и затем осужден как военный преступник. После возвращения в Испанию в 1954 г. он взялся за перо, в результате появилась книга «Послы в аду», где степень искажения истины может сравниться лишь с ненавистью автора к Советскому Союзу. Высокая степень ордена, который вручен «историографу», — верный критерий узости круга лиц, оставшихся верными идеалам «Голубой дивизии»...

Но до всего этого еще должно было пройти время, а в начале 1943 г. «Голубая дивизия» считалась вышестоящими немецкими штабами вполне боеспособным соединением. Процесс деморализации, очевидный солдатам дивизии, не всегда усматривался гитлеровцами. Испанские части по-прежнему занимали ответственный участок фронта. Фалангисты среди испанских военнослужащих все еще говорили о предстоящей победе, хотя здравомыслящие солдаты легко могли сравнить их бахвальство с истинным положением вещей. Драконовские дисциплинарные меры усиливали глухое недовольство. Будущее, и это начинало понимать все большее число солдат, не сулило ничего хорошего.

В разведсводке штаба нашей 225-й дивизии от 18—28 января 1942 г., составленной по показаниям военнопленных, перебежчиков, документам убитых и другим источникам, отмечалась слабая дисциплина солдат 250-й дивизии, большое количество обмороженных (до 10—15%), отсутствие лыж и зимнего обмундирования¹⁰⁸. За год больших изменений не произошло. В своем дневнике капитан-фуражир 262-го пехотного полка 250-й дивизии записал 18 января 1943 г.: «Неизбежные переброски поглощают большую часть дней... В этих перемещениях лишь обнаруживаются недисциплинированность и беспорядок, характерные, к несчастью, для испанцев»¹⁰⁹. О низкой дисциплине свидетельствуют и показания перебежчика, солдата 262-го пехотного полка, перешедшего на нашу сторону 2 января 1943 года¹¹⁰. Солдат 269-го полка утверждал, что «солдаты неохотно выполняют приказания офицеров, все делается из-под палки»¹¹¹.

Эти сведения подтверждаются показаниями многих военнопленных и перебежчиков. Солдат 269-го полка рассказал: «10 или 11 декабря (1942 г.—С. П.) командир третьей роты капитан Ферер собрал всю роту и с большим возмущением заявил: «Я собрал вас, чтобы сказать, что у нас есть много случаев нарушения дисциплины... Связные не исполняют полученных поручений и каждый раз увольняют от работы. Повара в нашей роте готовят пищу хуже, чем в других ротах. Дежурный сержант, получивший приказ послать патруль в штаб полка, выполнил его с опозданием на полтора часа. Группа солдат, которую послали приготовить помещение к рождественскому празднику, едва придя на место, по одному разошлась и не стала работать. У нас есть солдаты, осмелившиеся бить ефрейторов. Таких случаев уже было несколько. Если вы себя держите так в тылу, то на переднем крае вы будете держать себя еще хуже. Я уверен, что если нам придется идти в атаку на русских, вы оставите меня одного перед русскими траншеями»¹¹². «Дисциплина в частях плохая, держится с помощью палки,— рассказывал перебежчик, солдат 262-го полка,— солдаты так замучены работой и нарядами, что часто, ложась спать голодными, просят не будить их, когда привезут пищу. Ходят всегда понурые. Сержанты ругают солдат, называя их «красными». Есть случаи членовредительства»¹¹³.

Об избивании солдат говорили многие. «Официально в дивизии солдат бить запрещено, но как офицерский, так и унтерский состав избивают солдат за малейшее

¹⁰⁷ «Известия», 9. VII. 1968.

¹⁰⁸ Архив МО СССР, ф. 52-й армии, оп. 9993, д. 18, л. 15.

¹⁰⁹ Там же, ф. 411, оп. 10183, д. 125, л. 69.

¹¹⁰ Там же, д. 118, л. 2.

¹¹¹ Там же, л. 22.

¹¹² Там же, л. 76.

¹¹³ Там же, л. 15.

нарушение», — жаловался солдат отдельной роты лыжников. По его словам, командир лыжной роты капитан Саласар, фалангист, болезненный и раздражительный человек, часто бьет солдат, которые его ненавидят¹¹⁴. Но больше жалоб вызывали все-таки сержанты, а не офицеры. По мнению капрала 269-го полка, перешедшего линию фронта 26 марта 1943 г., «сержанты избивают солдат и издеваются над ними. Офицеры понимают положение лучше и не наказывают солдат»¹¹⁵. По убеждению многих пленных и перебежчиков, офицеры дивизии, как правило, окончили в свое время военные училища и академии, но в последнее время (речь идет о 1943 г.) из Испании стали присылать стажеров без звания для замещения офицерских должностей. Это было вызвано тем, что после высадки англо-американцев в Северной Африке в Испании был объявлен призыв пяти возрастов, и тогда обнаружился большой дефицит офицерских кадров. Капрал, о котором речь шла выше, как, впрочем, и многие другие в дивизии, был весьма невысокого мнения о сержантах: «Сержанты, за редким исключением, все почти неграмотные. Карту читать не умеют. Они сами возмущаются, что их долго не сменяют. Никаким авторитетом ни у солдат, ни у офицеров они не пользуются»¹¹⁶.

По словам перебежчика, солдата 262-го пехотного полка, солдаты его дивизии о международном положении «ничего не знают, об успехах Красной Армии также»¹¹⁷. На отсутствие регулярной информации жаловались многие: «Мы живем отрезанными от всего остального мира... Газеты, прибывающие из Испании с месячным опозданием, — наш единственный источник получения приблизительного представления о том, что творится на всех фронтах»¹¹⁸. Солдат 269-го полка сообщил, что в письмах, приходящих из Испании, все фразы, касающиеся международной обстановки и событий на фронтах, вычеркивались цензурой¹¹⁹. Командование, вероятно, полагало, что франкистский фанатизм был достаточно надежной броней против «разлагающего» влияния информации. «Исключительно важной мне представляется краткая и лаконичная сводка верховного командования, которая признает прорыв фронта южнее Сталинграда. Но этому здесь едва ли придают даже второстепенное значение, хотя этот факт представляется мне весьма симптоматичным. Такова уверенность испанского солдата в исходе войны»¹²⁰, — с горестью отмечал 7 декабря 1942 г. в своем дневнике капрал-фуражир 262-го пехотного полка. Как не вспомнить в этой связи клятву молодого фалангиста: «Обещают отвергать и игнорировать голос, который может ослабить дух нашей фаланги, будь то голос друга или голос врага»¹²¹.

Впрочем, командование «Голубой дивизии» смотрело на события с большей степенью трезвости: «Мы жили в то время ожиданием предстоящего наступления на Ленинград... — писал в своих мемуарах командир дивизии генерал Эстебан-Инфантес. — Уверенные в победе, мы с нетерпением ожидали начала предстоящей операции, но вдруг поступили первые сообщения о сражении под Сталинградом!.. Как только мы осознали поражение немцев и увидели, что германские войска уходят с нашего участка фронта на юг, мы поняли, что ход войны изменился и мы наступать не будем... Сперва ушли подразделения тяжелой артиллерии, затем пехотные дивизии, транспортные средства и др. На нашем участке фронта остались только дивизии, предназначенные для обороны»¹²². «Мы» — это означает командование дивизии и высшие офицеры, специальная подготовка которых и общий уровень образования были значительно выше уровня основной солдатской массы. Но, какие бы ни были сомнения у офицеров, перед строем рядовых они охрипшими, срывающимися голосами говорили, что при всех условиях «Германия выиграет войну»¹²³.

¹¹⁴ Там же, л. 62.

¹¹⁵ Там же, лл. 209 — 210.

¹¹⁶ Там же, л. 42.

¹¹⁷ Там же, л. 4.

¹¹⁸ Там же, д. 125, л. 69.

¹¹⁹ Там же, д. 118, л. 67.

¹²⁰ Там же, д. 125, л. 67.

¹²¹ См. «ООН. Совет Безопасности. Подкомитет по испанскому вопросу». Нью-Йорк. 1946, стр. 14.

¹²² E. Esteban-Infantes. Op. cit., pp. 72—73.

¹²³ Архив МО СССР, ф. 411, оп. 10183, д. 118, л. 208.

Вот страницы уже цитировавшегося дневника: «Холодные и беспокойные ночи... В окопах тревоги непрерывны, и принимаются всякого рода меры, чтобы предупредить сюрприз русских. Ночью, когда я наконец заснул, несмотря на разрывы русских снарядов, авиабомбы упали так близко от моего дома, что, когда я выскочил на улицу, я увидел, что исчезла крыша помещения, в котором находились запасы боеприпасов нашей дивизии... Остается несомненным, что легкие и громкие триумфы достаются все труднее. В дивизии по-прежнему царит нервное предчувствие грядущих неизбежных атак. Сегодня (27 декабря), например, пронеслись слухи о довольно важных военных операциях, которые якобы должны скоро начаться... Никто не знает, кто будет атаковать первым, но, по всей вероятности, наши военные приготовления имеют целью сдерживать русское наступление»¹²⁴. Январские записи 1943 г. свидетельствуют о нараставшем с каждым днем напряжении: «Тревоги в секторе дивизии, можно сказать, стали постоянными. Это война нервов, которая изматывает даже наиболее крепких людей. Часы неопишимого напряжения с вечно натянутыми нервами в ожидании противника, лучший союзник которого — внезапность. Но русские не атакуют испанцев. Страх? Простая случайность. Время, высший судья, расшифрует тайну неподвижности нашей дивизии... Сейчас остались позади мирные дни у Ильменского озера. Война начинает становиться жуткой реальностью; в шуме и грохоте сражений на обоих флангах дивизии война становится с каждым днем все более ожесточенной»¹²⁵.

Утром 12 января 1943 г. артиллерия и авиация Волховского и Ленинградского фронтов и Краснознаменного Балтийского флота обрушили на позиции врага лавину огня и стали»¹²⁶. Началось наступление советских войск. В немецком фронте образовалась брешь. А уже к 18 января командующий 18-й немецкой армией генерал-полковник Линдеман «вынужден был отдать приказ о том, чтобы каждая дивизия его армии на других участках выделила для закрытия прорыва по одному пехотному батальону или артиллерийской батарее»¹²⁷. Командование «Голубой дивизии» послало в район Мги батальон 269-го полка, который считается одним из лучших и наиболее боеспособных в дивизии¹²⁸. В феврале 1943 г. настала очередь и для всей дивизии. По словам перебежчика, солдата 263-го полка, удар, нанесенный советскими войсками (55-я армия) 10 февраля в районе Красный Бор, произвел на испанцев удручающее впечатление¹²⁹. Военнопленный, солдат 262-го полка, взятый в плен 3 марта в районе Путролово, рассказал, что «последние бои были сильнейшим испытанием для испанцев, они понесли колоссальные потери, были уничтожены целые батальоны...». Война, а особенно последние бои, по словам пленного, сурово отразились на настроении даже солдат-фалангистов, раньше фанатически веривших в силу Германии¹³⁰. В результате боев на Колпинском участке фронта 262-й полк, понесший особенно большие потери, был с линии фронта снят и отведен на укомплектование. Тяжелые потери «Голубой дивизии» во время зимнего наступления Красной Армии на Ленинградском и Волховском фронтах еще больше сгустили атмосферу пессимизма в Мадриде, вызванную итогами Сталинградской битвы.

Еще 9 июня 1942 г. между Франко и новым послом США в Испании Карлтоном Хейсом состоялась примечательная беседа. После вручения верительных грамот (кроме Франко, присутствовали Суньер и официальный переводчик барон де ла Торрес) состоялась беседа. Хейс спросил, может ли Франко спокойно относиться к такой перспективе, как господство на всем континенте нацистской Германии с ее фанатическим расизмом и антихристианским язычеством. Франко ответил, что это не совсем приятная перспектива для него самого и для Испании, но он надеется, что Германия сможет пойти на какие-то уступки западным державам и установить какого-либо вида «баланс сил» в Европе. «Франко настаивал, что опасность для Европы и Испании исходит не столько от нацистской Германии, сколько от русского коммунизма. Испания

¹²⁴ Там же, д. 125, лл. 67—68.

¹²⁵ Там же, лл. 68—69.

¹²⁶ «История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945». Т. III. М. 1961, стр. 133.

¹²⁷ Там же, стр. 137.

¹²⁸ См. E. Esteban-Infantes. Op. cit., p. 74.

¹²⁹ Архив МО СССР, ф. 411, оп. 10183, д. 118, л. 184.

¹³⁰ Там же, л. 204.

не столько желает победы «оси», сколько поражения России»¹³¹. Статут «невоюющей стороны», разъяснял Франко, означает, что Испания не является нейтральной в борьбе против коммунизма, прежде всего в войне между Германией и Советским Союзом; с другой стороны, Испания не принимает участия в конфликте между «осью» и западными державами. Испания, по его словам, не испытывает вражды к США...

За год многое изменилось. 1 мая 1943 г. новый германский посол в Испании Дикхоф сообщал в Берлин: «Бросалось в глаза, что каудильо, очевидно, не совсем верит в возможность полного разгрома Советов, он неоднократно говорил об огромных пространствах страны и ее человеческом потенциале, и вообще в его рассуждениях нельзя было не слышать скептической ноты». Он, по словам Дикхофа, «не видит, каким образом могут быть сокрушены Англия и Америка»¹³². Франко, видимо, решил, что пришло время для мелких уступок англо-американцам. 29 июля 1943 г. в своей резиденции Эль-Пардо Франко принял К. Хейса по его просьбе. На беседе присутствовали министр иностранных дел граф Хордана и барон де ла Торрес. В конце беседы Хейс заявил, что «испанское правительство должно отозвать свою «Голубую дивизию» из германской армии, воюющей в России». Хейс напомнил, что в 1939—1940 гг. не было никакой «Голубой дивизии», что она была создана только после того, как Германия напала на Россию. Отсюда складывается впечатление, что Испания больше заинтересована в оказании военной помощи Германии, хотя бы символически, чем в борьбе с коммунизмом.

Франко повторил свой излюбленный миф о «вмешательстве русских агентов» в испанскую гражданскую войну, чем и объяснял свое присоединение к Антикоминтерновскому пакту. Далее он подробно перечислил все случаи своих «расхождений» с Германией и напомнил о его «протесте» Гитлеру, который «грубо нарушил Антикоминтерновский пакт» в августе 1939 года. «Когда Германия напала на Польшу,— продолжал Франко,— он и все испанцы симпатизировали католической Польше. Затем, когда началась советско-финская война, Франко изучал возможности послышки дивизии испанских добровольцев на помощь Финляндии, и только недостаток вооружения и транспортных средств помешал ему это сделать. Наконец, когда Германия и Россия вступили в борьбу, возникла практическая возможность послышки испанских добровольцев на Восточный фронт». По мнению Франко, это не было актом помощи Германии в борьбе против союзников, а выражало враждебность Испании коммунизму.

Хейс ответил, что не Россия напала на Германию, а Германия на Россию, и если у каудильо вызывает протест русское вмешательство в Испании, то как он может признать справедливой испанскую интервенцию в России? И что произойдет, если Советский Союз объявит войну Испании? Франко сказал, что положение изменилось с тех пор, как «Голубая дивизия» впервые появилась на Восточном фронте. Вступили в войну Соединенные Штаты. «Было бы полезно,— прибавил он,— оставить некоторое количество испанских солдат и офицеров на Восточном фронте для сбора информации о том, что происходит на фронте и в самой Германии». Последний довод чрезвычайно удивил Хейса. Он лишь заметил, что всю эту информацию можно получить через испанского военного атташе в Берлине и для этого не стоит держать целую дивизию на Восточном фронте¹³³.

7 августа Хейс встретился с Хорданой. Хордана сообщил Хейсу, что вскоре после беседы 29 июля Франко созвал заседание Высшего военного совета, на котором присутствовали министры всех трех видов вооруженных сил и начальник штаба; было принято решение о постепенном возвращении частей дивизии. Сам Хордана, по его словам, всегда считал послышку «Голубой дивизии» в Россию ошибкой¹³⁴.

20 августа, накануне своего отъезда в Англию, английский посол Сэмюэль Хор встретился с Франко. Франко сокрушался по поводу захвата Филиппин Японией, но больше всего, по словам Хора, его пугала перспектива освобождения русскими Европы. Хор, в свою очередь, пожаловался на испанскую прессу, на антисоюзнические действия, на нарушение Испанией нейтралитета и в самом конце беседы посетовал

¹³¹ С. Hayes. Op. cit., p. 31.

¹³² «Документы министерства иностранных дел Германии». Вып. III, стр. 175.

¹³³ С. Hayes. Op. cit., pp. 159—161.

¹³⁴ Ibid., p. 165.

на пребывание в России «Голубой дивизии»¹³⁵. Беседа с Франко внесла успокоение в его душу, и он отбыл в Англию, весьма довольный своей деятельностью. Тотчас же по прибытии Хора в Англию Би-би-си, английские и американские газеты сообщили читателям, что британский посол добился соглашения на вывод «Голубой дивизии» из России.

Однако публикация материалов о предстоящем выводе «Голубой дивизии» вызвала раздражение в Мадриде. 26 августа Хордана сообщил Хейсу, что от германского посла получен энергичный протест и что это отнюдь не способствует преодолению практических трудностей, связанных с выводом «Голубой дивизии» из германских траншей и возвращением ее через Германию. Более того, по мнению Хордана, самый факт возвращения «Голубой дивизии» даст Испании мало, если будет рассматриваться не как добровольный шаг испанского правительства, а как результат давления английского посла¹³⁶. Не мог простить Хору и Хейс, который считал, что впервые протест со стороны союзников против пребывания испанских добровольцев на Восточном фронте был выражен именно им в беседе с Франко 29 июля 1943 года¹³⁷.

Однако вопрос о выводе «Голубой дивизии» с Восточного фронта был решен не красноречием послов, а силой советского оружия. С. Пейн заметил, что «кривая энтузиазма в отношении Германии стала быстро спадать уже после поражения немцев под Москвой в декабре 1941 года»¹³⁸. После успехов Красной Армии в ходе летней кампании 1943 г. в начале октября Франко объявил о переходе Испании от статуса «невоюющей страны» к нейтралитету. В беседе с Дикхофом 3 декабря 1943 г. он разъяснил, что «такая осторожная политика отвечает не только интересам Испании, но и интересам Германии. Нейтральная Испания, поставляющая Германии вольфрам и другие продукты, в настоящее время нужнее Германии, чем вовлеченная в войну»¹³⁹. 15 октября английский военный атташе получил сообщение от начальника испанского генерального штаба о достижении соглашения с Германией относительно возвращения «Голубой дивизии». Вывод дивизии с линии фронта начался 12 октября; к 20-му числам она была снята с фронта и временно размещена в район Нарвы, а затем в район Кенигсберга. Хордана уверил Хейса, что заканчиваются последние приготовления к транспортировке дивизии и что ее возвращение в Испанию будет осуществлено как можно быстрее. Первые 600 солдат и офицеров «Голубой дивизии» прибыли в конце октября в Сан-Себастьян.

Двумя неделями позже американский военный атташе сообщил, что, по весьма надежным сведениям, 4 тысячи солдат и офицеров из общего числа в 12 тысяч прибыли на родину, а остальные должны возвратиться в течение ближайших недель и что все слухи о новом наборе в дивизию неоправданы¹⁴⁰. А 5 декабря 1943 г. агентство Рейтер передало, что с конца октября около 8 тысяч солдат «Голубой дивизии» вернулось в Испанию. Пункт расформирования — Вальядолид. «Все испанские парни до рождества вернутся из русских траншей», — с уверенностью писал в те дни Хейс президенту Рузвельту. Однако экстремистские элементы фаланги повели энергичную агитацию за вербовку добровольцев в «Германский иностранный легион», который должен был находиться исключительно под германским командованием. В результате «Голубая дивизия» была расформирована, но в составе вермахта остался «Голубой легион».

Окончательно легион был сформирован в середине ноября 1943 года. Легион состоял из трех воинских частей. О желании остаться воевать в России офицеры спрашивали только у солдат-пехотинцев, из которых и были составлены две воинские части. В каждой пехотной части (бандере) имелось по четыре роты. Солдат специальных подразделений (артиллеристы, саперы, связисты и т. д.) оставили в приказном порядке. В «Голубом легионе» было 2 500 человек, командовал им полковник Антонио Гарсия Наварро, бывший начальник штаба «Голубой дивизии». Легион находился до конца января 1944 г. в районе неподалеку от железнодорожной станции Любань (до-

¹³⁵ S. Hoare. Op. cit., pp. 220—222.

¹³⁶ C. Hayes. Op. cit., p. 166.

¹³⁷ Ibid., p. 159.

¹³⁸ S. Payne. Op. cit., p. 31.

¹³⁹ «The Spanish Government and the Axis». Washington. 1946, № 15.

¹⁴⁰ C. Hayes. Op. cit., pp. 178—179.

рога Ленинград — Москва), где в ходе начавшегося вскоре наступления Красной Армии был практически стерт с лица земли. Жалкие остатки легиона были вывезены в район Кенигсберга. Там их след теряется.

Выступая перед севильским гарнизоном 14 февраля 1942 г., Франко с большим пафосом обещал, что в момент опасности для Германии, если дорога на Берлин будет открыта, ее преградит не только дивизия испанских добровольцев, но «в случае необходимости» и миллион испанцев¹⁴¹. Об этом обещании каудильо постарался в дальнейшем начисто забыть, и по основательной причине: победоносное наступление Красной Армии сметало все фашистские позиции. В завязавшихся сражениях «Голубая дивизия» понесла тяжелейшие потери. Согласно официальным данным, они составили 12 736 человек, из них убитыми — 6 286¹⁴². Достоверно в этих сведениях, вероятно, только одно — соотношение между убитыми и ранеными (примерно 1 : 1). Английский военный историк Дж. Фуллер полагал, что, как правило, соотношение убитых, раненых и пропавших без вести выглядит, как 1 : 3 : 1¹⁴³. Иное соотношение между убитыми и ранеными в «Голубой дивизии» связано с особо ожесточенным характером боев на советско-германском фронте. В основном указанные данные преуменьшены в 3—4 раза.

Генерал Эмилио Эстебан-Инфантес, командовавший «Голубой дивизией», в своей книге «Голубая дивизия. Добровольцы на Восточном фронте» приводит следующие цифры потерь: 14 тысяч — на Волховском фронте и 32 тысячи — на Ленинградском (зима — весна 1943 г.)¹⁴⁴. Эти данные соответствуют и тем сведениям, которые отразились в документах, собранных нами в советских архивах: на пополнение частей дивизии за все время войны прибыло 27 маршевых батальонов, по 1 200—1 300 человек в каждом¹⁴⁵ (последние 9 маршевых батальонов прибыли в период января — октября 1943 г.). Это значит, что всего на пополнение дивизии из Испании было отправлено 33—35 тысяч солдат и офицеров. В период первоначального формирования соединения в нем было 15 780 солдат, 2 727 унтер-офицеров и сержантов, 641 офицер, то есть 19 148 человек. В Испанию после снятия дивизии с фронта вернулись 8 тысяч солдат и офицеров, в легионе осталось 2 500 человек. Если исходить из этих сведений, потери дивизии должны были составить около 42 тысяч человек. Некоторое расхождение со сведениями генерала Эстебан-Инфантеса можно объяснить тем, что часть раненых вернулась в строй. (Сюда не входят весьма значительные потери легиона.) Преуменьшение потерь «Голубой дивизии» в официальных испанских документах носит преднамеренный характер. Оно вызвано, в частности, стремлением скрыть от испанцев и мирового общественного мнения размах участия Испании в боевых действиях на стороне держав фашистской «оси».

Рассмотренные данные свидетельствуют о том, что через так называемую «Голубую дивизию» за время ее участия в операциях на советско-германском фронте прошли контингенты, значительно превышающие 50 тыс. человек. По масштабам второй мировой войны это была армия, причем одновременно действовало в ней около 20 тыс. солдат и офицеров. Следовательно, участие франкистской Испании в войне против Советского Союза реально выразилось в посылке армии, носившей название «Голубая дивизия». Она была использована гитлеровским командованием на ответственных участках фронта, в первую очередь для поддержания кольца блокады вокруг героического Ленинграда. Крестоносцев антикоммунизма, явившихся из далекой Испании убивать советских людей, постигло справедливое возмездие. Хотя франкистский режим впоследствии и постарался принизить значение своего непосредственного участия в боевых действиях против Советского Союза, бесславный поход фашистов-испанцев на Восток по-своему навсегда вошел в летопись второй мировой войны.

¹⁴¹ F. Franco. Palabras del caudillo. Madrid. 1943, p. 204.

¹⁴² Эти сведения сообщает в своей книге J. Hills (op. cit.). По словам автора, ему была предоставлена по распоряжению Франко возможность ознакомиться со всеми военными архивами Испании.

¹⁴³ Дж. Ф. С. Фуллер. Вторая мировая война. 1939—1945 гг. М. 1956, стр. 27.

¹⁴⁴ E. Esteban-Infantes. Op. cit., pp. 61, 95.

¹⁴⁵ Прибывший на советско-германский фронт в декабре 1942 г. 18-й маршевый батальон был укомплектован даже в составе 1 500 человек (Архив МО СССР, ф. 411, оп. 10183, д. 118, л. 61).